

Цзюй Минфэн взглянул на слушающих лекцию людей, затем на Линь Шу, который направлялся в сторону, и решил последовать за ним. Они не ушли далеко, так как, если бы они вышли из поля зрения Жань Фэна, телохранитель сразу бы последовал за ними. Однако, несмотря на то, что объектом защиты был ребёнок, Жань Фэн оставлял Линь Шу достаточно личного пространства, учитывая его разумность и способность к общению.

Цзюй Минфэн поднял голову, взглянул на висящую на стене картину, затем прошёлся взглядом по многим другим, пока не указал на одну из них:

— Линь Шу, смотри! Этот портрет немного похож на тебя!

Линь Шу взглянул и увидел изображение красивого юноши с золотистыми волосами, голубыми глазами и выразительными чертами лица. Он лишь вздохнул. На самом деле он совсем не был похож на этого юношу, и Цзюй Минфэн, вероятно, сказал это только потому, что это был самый привлекательный персонаж из всех картин, которые они видели.

Он спросил:

— Ты посмотрел годы его жизни?

Цзюй Минфэн замешкался, взглянул на табличку и замолчал.

Линь Шу знал, что Цзюй Минфэн — эстет, иначе он бы не преследовал его с таким упорством. Но хотя сейчас говорить об этом было рано, Линь Шу всё же считал, что молодость и красота не вечны. Ему было приятно, что Цзюй Минфэн увлечён им, но его поведение часто было слишком глупым и нерациональным, и Линь Шу иногда задумывался, действительно ли это просто «увлечение».

Конечно, между ними была привязанность, но сколько из их чувств было основано на ней, а сколько — на увлечении и слепоте? Линь Шу даже не мог этого определить.

Он задумался, затем медленно двинулся вдоль стены, осматривая все картины, пока не нашёл ту, которая была самой некрасивой.

Он указал на неё и спросил:

— Цзюй Минфэн, что, если однажды я стану таким?

Цзюй Минфэн взглянул на картину, и впервые Линь Шу заставил его почувствовать себя неловко. Эта фантазия Линь Шу была слишком неожиданной, и Цзюй Минфэн, оглядевшись, указал на другую картину:

— Давай договоримся, Линь Шу. Если ты станешь таким, я всё ещё смогу тебя принять.

Но Линь Шу не оценил его юмор, и его улыбка постепенно исчезла.

Цзюй Минфэн, увидев его взгляд, понял, что его шутка была глупой. Он бросился к Линь Шу, обнял его и сказал:

— Линь Шу, не будь глупым, я пошутил! Пошутил! Как бы ты ни выглядел, для меня это не имеет значения. Даже если ты станешь старым уродливым иностранцем, для меня ты будешь самым красивым! Ты не должен так думать обо мне!

Линь Шу тихо спросил:

— Правда, не имеет значения? Цзюй Минфэн, если я не умру в тридцать лет, я всё равно постарею, моя молодость уйдёт...

Цзюй Минфэн ответил:

— Я тоже! Я это знаю. Но даже если мы станем стариками, ты всё равно будешь самым красивым стариком в мире... Ты точно не будешь похож на того иностранца! В этом я уверен!

Цзюй Минфэн обнял Линь Шу так крепко, что это говорило о глубине его чувств и решимости.

Линь Шу замешкался, затем тоже обнял его и через некоторое время засмеялся:

— Прости, я был глуп. Не знаю, почему начал сомневаться.

Он погладил лицо Цзюй Минфэна и добавил:

— Я не хотел принижать твои чувства.

Двенадцать лет дружбы, глубокая привязанность, которую не могла разрушить даже смерть. Линь Шу мог делиться с Цзюй Минфэном всем, даже тайнами, которые он не решался рассказать своей давно умершей матери. И всё же он начал сомневаться из-за таких глупых причин. Линь Шу почувствовал, что его интеллект тоже начал снижаться.

Цзюй Минфэн сказал:

— Мне нравится слово «сомневаться». Мне также нравится, когда ты говоришь: «Минфэн, что мы будем делать, когда состаримся?» Потому что это значит, что мы будем вместе всю жизнь... верно?

Линь Шу ответил:

— Конечно, всю жизнь.

Цзюй Минфэн снова крепко обнял Линь Шу:

— Линь Шу, я так рад! Так счастлив~~

Линь Шу это заметил. Счастье, доходящее до волн в конце предложения, нельзя было не заметить.

Однако, пока они обнимались, Жань Фэн и его коллеги, находившиеся далеко, не могли разглядеть их действий. Хотя они заметили, что сегодня дети кажутся особенно возбуждёнными, из-за привычного мышления они не придали этому большого значения.

Но другие туристы обратили внимание на двух подростков. Линь Шу и Цзюй Минфэн были уже двенадцати-тринадцати лет, и хотя они только начинали развиваться, в них уже чувствовалась подростковая энергия, и они больше не выглядели как маленькие дети.

Два года — это, возможно, мало для всей жизни, но для детей в возрасте десяти лет, которые растут, два года — это целая эпоха.

Они наконец выросли из возраста, когда можно было вести себя беззаботно, и стали подростками, привлекающими внимание. Стоя в углу коридора, они невольно притягивали взгляды.

Линь Шу понял, что они слишком заметны, и отстранил Цзюй Минфэна, но тут заметил, что две иностранки фотографируют их на телефон. Он удивился, затем резко оттолкнул Цзюй Минфэна и быстро направился к девушкам.

Девушки, увидев его приближение, сразу убежали.

Линь Шу попытался догнать их, Цзюй Минфэн последовал за ним, но, пробежав несколько шагов, они столкнулись с Жань Фэном, который спросил:

— Что случилось?!

Девушки воспользовались моментом и скрылись.

Жань Фэн, увидев это, быстро и ловко пробрался сквозь толпу и направился в сторону, куда убежали девушки. Линь Шу и Цзюй Минфэн, немного опешив, последовали за ним. Вскоре они увидели, как Жань Фэн схватил одну девушку, затем другую.

Девушкам пришлось остановиться, так как их подруга оказалась в руках Жань Фэна. Он выглядел не самым дружелюбным, и, что хуже всего, они не могли объясниться, так как Жань Фэн не знал языка Далии. Что бы они ни говорили, он молча смотрел на них.

Девушки были возмущены, а Жань Фэн оставался непоколебим.

Когда Линь Шу и Цзюй Минфэн подошли, они увидели, как одна из девушек кричит на Жань Фэна:

— Ты, азиат! Ты вообще знаешь, что такое вежливость?! Ты не можешь так поступать в Далии! Понимаешь?!

Линь Шу сказал:

— Однако я не думаю, что в Далии можно фотографировать людей без их согласия. Я считаю, что имею право потребовать удалить все фотографии, на которых есть мы.

Он говорил на чистом языке Далии, хотя акцент был не идеален, но слова были чёткими и ясными.

Девушки, увидев двух подростков, немного смутились.

Через некоторое время одна из них пожала плечами:

— Ладно, ладно!

Затем она достала телефон и удалила фотографии.

Линь Шу проверил, убедился, что все фотографии удалены, затем посмотрел на других девушек.

Одна из них сердито посмотрела на него:

— Ты на что смотришь? Я не фотографировала вас.

Хотя она так говорила, её взгляд был неуверенным, и Линь Шу, умеющий читать людей, понял, что она лжёт.

Он сказал:

— Позвольте мне проверить телефон, или мы вызовем полицию для проверки. Выбирайте.

Девушки переглянулись, затем, сдавшись, подняли руки в знак капитуляции:

— Ладно, ладно! Мы удалим фотографии.

Оказалось, что не одна девушка тайком сфотографировала их. Линь Шу проследил, чтобы все фотографии были удалены, проверил содержимое галереи, и только тогда вернул телефоны.

Но девушки не сдавались и спросили:

— Ты азиатская детская звезда?

Линь Шу отрицал:

— Я не публичная личность.

Девушки разочаровались.

<http://bllate.org/book/16614/1520600>